

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 329(47+57)КПСС”1930”

**СХВАТКА В ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ СИБИРИ 1930
ГОДА: ПРОВАЛ ЗАГОВОРА ПРОТИВ Р.И. ЭЙХЕ**¹

Т. И. Морозова

РАН, Сибирское отделение, Институт истории, сектор истории общественно-политического развития, г. Новосибирск

Статья посвящена попытке сместить Р. И. Эйхе с поста первого секретаря Сибирского крайкома ВКП(б), предпринятой группой руководящих партийных работников Сибири в июле–августе 1930 г. Понимая, что кадровые вопросы такого уровня решаются в высших эшелонах власти, второй секретарь краевого комитета, пятеро членов его бюро и председатель Сибирской контрольной комиссии направили письмо в ЦК ВКП(б) с просьбой перевести Р. И. Эйхе на хозяйственную работу. На основании как уже введённых в научный оборот, так и впервые выявленных источников в статье показано, как и по каким мотивам ближайшие коллеги Р. И. Эйхе решили прервать восхождение последнего по карьерной лестнице. Охарактеризована позиция И. В. Сталина в отношении «подписантов» и поведенческие тактики последних после осуждения их действий Политбюро. Сделан вывод о том, что несостоявшийся заговор спровоцировал волну кадровых перемещений, способствовавшую росту масштабов социальной мобильности среди краевого партийного руководства.

Ключевые слова: *партийно-советская элита, Р. И. Эйхе, И. В. Сталин, заговор, социальная мобильность, ротация кадров.*

На протяжении тысячелетней мировой истории неотъемлемым элементом общественно-политической жизни абсолютного большинства социумов неизменно оставался заговор. Различные кланы и группировки использовали и продолжают использовать этот инструмент политической борьбы для решения задач самого разного масштаба. В их числе смена государственного строя, изменение политического курса, установление новой династии, расправа с идейными противниками, захват власти как самоцель, получение выгод и привилегий, удовлетворение личных амбиций.

Революция 1917 г. и установление советского политического режима в России не только не ликвидировали предпосылки возникновения заговоров, но и создали для них благодатную почву. Пришедшей к власти новой политической элите была свойственна клановость и олигархичность,

¹ Научный руководитель – В. И. Шишкин, докт. ист. наук., профессор, зав. сектором истории общественно-политического развития Института истории СО РАН. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01725).

однако сложившаяся однопартийная политическая система и присущий большевистской партии организационный централизм обусловили слабость легитимных механизмов продвижения тех или иных политических группировок к высшим эшелонам власти. Принцип подчинения большинства меньшинству сделал заговоры и доносы одними из востребованных орудий политической борьбы. Осознавая опасность этого явления, высшее партийное руководство стремилось предотвратить распространение местных настроений и по возможности разрушить устанавливавшиеся межличностные связи, используя почти непрерывную ротацию кадров. Вспыхивавшие, несмотря на это, на областном, губернском или окружном уровнях конфликты Центральный комитет РКП(б)–ВКП(б) разрешал, как правило, путём перевода их участников на другие должности или откомандирования в другие регионы РСФСР–СССР. Тем самым заговор являлся не только лифтом, но и каналом социальной мобильности, а направления социальных перемещений напрямую зависели от успеха заговорщиков.

В таких условиях партийная элита Сибири долгое время не противопоставляла себя высшему партийному руководству. Однако летом 1930 г. именно в Сибирском крае развернулась политическая схватка, исход которой стал известен в масштабах всего СССР. В конце июля – начале августа 1930 г. второй секретарь и пятеро членов бюро Сибирского крайкома ВКП(б), являвшегося высшей партийной инстанцией Сибири, а также председатель Сибирской контрольной комиссии в письменной форме обратились к Генеральному секретарю коммунистической партии И. В. Сталину с просьбой перевести занимавшего тогда пост первого секретаря Сибкрайкома Р. И. Эйхе на хозяйственную работу. Информация о заговоре и его последствиях вызвала заметный резонанс в Сибирской партийной организации и стремительно распространилась далеко за пределы края.

В научной литературе первые упоминания об этом событии появились ещё в конце 1970-х гг. Тогда выступление партийных работников против Р. И. Эйхе было расценено исключительно как факт нарушения партийной дисциплины². Иная оценка случившегося была дана в специальных исследованиях рубежа 1980-х – 1990-х гг. Квалифицировав произошедшее как заговор, В. В. Демидов и С. А. Папков назвали в качестве его основной причины недовольство ближайших соратников первого секретаря Сибкрайкома применявшимися в Сибири жёсткими методами коллективизации и сверхбыстрыми темпами индустриализации³. Опираясь преимущественно на косвенные ис-

² Молетотов И. А. Сибкрайком. Партийное строительство в Сибири. 1924–1930 гг. Новосибирск, 1978. С. 55–56.

Moletotov I. A. Sibkraikom. Partiinoe stroitel'stvo v Sibiri. 1924–1930 gg. Novosibirsk, 1978. S. 55–56.

³ Демидов В. В. Что стояло за сибирской «Беспринципной групповщиной» в 1930 году? // Партийный вестник. Новосибирск, 1989. № 18. С. 17–24; *Его же*. О так называемой сибирской «беспринципной групповщине» в 1930 г. // Сибиряки в борьбе за власть советов, за защиту социалистического отечества: тез. Всесоюз. науч. конф. (4–7 июня 1990 г.). Секции I, II. / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 1990. С. 84–86; Папков С. А. Заговор против Эйхе // Возвращение памяти. Новосибирск, 1991. С. 26–37.

точники, исследователи выяснили круг людей, подписавших заявление о снятии Р. И. Эйхе, попытались реконструировать содержание текста этого документа и выявить аргументы, которыми оперировали подписанты. Упоминания о заговоре неоднократно встречаются и в более поздних публикациях⁴. Однако анализ недавно выявленных и опубликованных нами текстов двух писем с просьбой о смещении Р. И. Эйхе⁵ и других до настоящего времени не известных документов, включая объяснительные записки основных инициаторов заговора, позволяет сформулировать новые гипотезы как о мотивах поступка подписантов, так и о причинах постигшей их неудачи.

В конце 1920-х – в 1930-е гг. имя Роберта Индриковича Эйхе было известно не только всем партийно-советским функционерам, но и любому советскому гражданину, который жил или хотя бы просто побывал в Сибири. Местные газеты и журналы регулярно публиковали его портреты и фотографии, сведения о деятельности и выдержки из его речей, ему адресовали свои просьбы простые рабочие и крестьяне, его именем называли улицы, колхозы и даже целые районы.

Латыш, выходец из семьи батрака, зарабатывавший первоначально себе на жизнь преимущественно слесарным делом, Р. И. Эйхе в 1905 г. в пятнадцатилетнем возрасте вступил в социал-демократическую партию Латвии. С тех пор он активно участвовал в деятельности партийных кружков и ячеек. Захваченного революционными идеями Эйхе не остановили ни многочисленные аресты, ни трёхлетняя вынужденная эмиграция, ни сибирская

Demidov V. V. Chto stoyalo za sibirskoi «Besprintsipnoi gruppovshchinoi» v 1930 godu? // *Partiiny vestnik*. Novosibirsk, 1989. № 18. S. 17–24; Ego zhe. O tak nazyvaemoi sibirskoi «besprintsipnoi gruppovshchine» v 1930 g. // *Sibiryaki v bor'be za vlast' sovetov, za zashchitu sotsialisticheskogo otechestva: tez. Vsesoyuz. nauch. konf. (4–7 iyunya 1990 g.)*. Sektsii I, II. / otv. red. V. I. Shishkin. Novosibirsk, 1990. S. 84–86; Papkov S. A. Zagovor protiv Eikhe // *Vozvrashchenie pamyati*. Novosibirsk, 1991. S. 26–37.

⁴ Павлова И. В. Роберт Эйхе // *Вопросы истории*. 2001. № 1. С. 70–88; Саранцев Н. В. Большевицкая властвующая элита: возникновение, становление и трансформация. 1900–1939: историко-социологические аспекты. Саратов, 2001; Саранцев Н. В., Кирякова О. Г. Большевицкая революционная элита: подполье, власть, гибель: историко-социологические аспекты. Саратов, 2007; Шишкин В. И. Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. // *Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. / под ред. В. И. Шишкина*. Новосибирск, 2010. С. 3–35.

Pavlova I. V. Robert Eikhe // *Voprosy istorii*. 2001. №1. S. 70–88; Sarantsev N. V. Bol'shevistskaya vlastvuyushchaya elita: vzniknovenie, stanovlenie i transformatsiya. 1900–1939: istoriko-sotsiologicheskie aspekty. Saratov, 2001; Sarantsev N. V., Kiryakova O. G. Bol'shevistskaya revolyutsionnaya elita: podpol'e, vlast', gibel': istoriko-sotsiologicheskie aspekty. Saratov, 2007; Shishkin V. I. Gosudarstvennoe upravlenie Sibir'yu v kontse XIX – pervoi tretii XX v. // *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke: sb. nauch. st. / pod red. V. I. Shishkina*. Novosibirsk, 2010. S. 3–35.

⁵ Морозова Т. И. «Не сумел объединить и мобилизовать основную руководящую группу». Выступление партийных руководителей Сибири против Р. И. Эйхе. 1930 г. // *Исторический архив*. 2013. № 3. С. 49–80.

Morozova T. I. «Ne sumel ob"edinit' i mobilizovat' osnovnyuyu rukovodyashchuyu grupp». Vystuplenie partiinykh rukovoditelei Sibiri protiv R. I. Eikhe. 1930 g. // *Istoricheskii arkhiv*. 2013. № 3. S. 49–80.

ссылка. Оказавшись в 1915 г. в Канском уезде Енисейской губернии, куда он был сослан на пожизненное поселение, Эйхе нисколько не утратил рвения к партийной работе. После удачного побега в начале 1916 г. он некоторое время скрывался в Иркутске и в Красноярске, но уже в мае 1917 г., вернувшись в Латвию, с новой силой приступил к политической деятельности.

Хорошо известен вклад большевиков-латышей в Октябрьский переворот и победу Советской власти над белогвардейцами и интервентами. В годы Гражданской войны они, как правило, служили в Красной армии или в органах ВЧК. Эйхе выпал другой, не менее важный, но более сложный фронт – продовольственный, где от его комиссаров требовалось умение сочетать непреклонную твёрдость, а иногда и жестокость с гибкостью и способностью найти неординарное решение. Не будем перечислять всех его должностей, которые он занимал в разное время в Наркомате продовольствия РСФСР. Отметим только, что свою карьеру в этом ведомстве он завершил в апреле 1924 г. на посту заместителя наркома продовольствия, перед этим около года проработав в Сибири председателем Сибпродкома и членом Сибревкома. Одновременно Эйхе стремительно поднимался и по «советско-партийной лестнице». В конце 1919 – 1920 г. он работал в Челябинске заместителем председателя и председателем сначала губернского ревкома, потом – исполкома Советов. В декабре 1919 г. коммунисты Челябинской губернии избрали его своим партийным руководителем. Однако даже став председателем губкома РКП(б), Эйхе остался искренне преданным коммунистическим идеалам, отличался исключительной работоспособностью и в то же время не «держался» за высокие посты.

Столь же хорошо себя зарекомендовал Эйхе на посту председателя Сибпродкома. Партийное руководство Сибири в лице Сибирского бюро ЦК РКП(б) очень скоро разглядело в Эйхе не просто исполнителя директив ЦК, но и, что немаловажно, политически благонадёжного работника. «С точки зрения коммунистической этики безупречен» – такую характеристику получил Эйхе от Сиббюро ЦК РКП(б) в октябре 1922 г.⁶ Можно предположить, что именно благодаря этой «безупречности» в феврале 1924 г. решением Оргбюро ЦК РКП(б) он был назначен заместителем председателя высшего органа Советской власти в Сибири – Сибирского революционного комитета.

Деловые качества и опыт Эйхе, проявленные им во время работы сначала на Урале, а затем и в Сибири, были хорошо известны высшему партийному руководству. Подтверждением этого является телеграфная переписка, которой 20 марта 1924 г. обменялись Генеральный секретарь ЦК партии И. В. Сталин и председатель Сибревкома М. М. Лашевич. Первый, судя по всему, уже тогда симпатизировавший Роберту Индриковичу, минуя Оргбюро ЦК, обратился к М. М. Лашевичу с личной просьбой «уступить [...] товарища Эйхе для Н[ар]к[ом]фина», пообещав взамен «срочно подыскать

⁶ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-3. Оп. 15. Д. 20145. Л. 23.

State Archive of Novosibirsk Region (GANO). F. P-3. Op. 15. D. 20145. L. 23.

другого заместителя»⁷. Однако М. М. Лашевич, знавший Эйхе по совместной работе с мая 1922 г., ответил И. В. Сталину решительным отказом: «Эйхе известен [в] Сибири. Его назначение встречено сочувственно верхушками губернии. Врасти [в] сибирскую обстановку основательно – трудно. Назначение нового человека гарантии возможности совместной работы не даёт, поэтому против уступки Эйхе категорически возражаю»⁸.

Став в апреле 1924 г. заместителем председателя Сибревкома, Эйхе получил официальное разрешение присутствовать на всех заседаниях Сиббюро ЦК, что фактически ввело его в высший эшелон партийно-советской элиты Сибири. В мае 1924 г. на первой Сибирской партконференции Эйхе был единогласно избран членом пленума Сибирского краевого комитета ВКП(б), который, в свою очередь, по рекомендации ЦК партии утвердил его членом бюро крайкома.

Формально являясь заместителем М. М. Лашевича, Роберт Индрикович на самом деле нёс весь объём повседневной работы за своего непосредственного начальника, предпочитавшего осуществлять представительские функции в Москве. В результате, когда в декабре 1925 г. Сибревком прекратил своё существование и встал вопрос о выборах Сибирского исполнительного комитета Советов, Эйхе совершенно закономерно и заслуженно оказался единственным кандидатом на пост его председателя. Новая должность сделала его вторым человеком в Сибири, от которого напрямую зависело проведение политики партии в огромном крае. Подтверждением высокого статуса стало избрание Эйхе на XIV партийном съезде кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

Стремительное восхождение по карьерной лестнице, груз ответственности за проведение политических и экономических кампаний в Сибири, а также высокая оценка партийного руководства, по всей видимости, оказали глубочайшее влияние на характер и поведение Р. И. Эйхе. Став членом бюро Сибкрайкома партии, председателем Сибкрайисполкома Советов, а с декабря 1925 г. ещё и кандидатом в члены ЦК ВКП(б), Эйхе, вероятно, осознал, что его дальнейшая судьба находится во власти организационно-распределительного отдела ЦК. Примерно с середины 1920-х гг. этот профессиональный революционер, ранее искренне веривший в коммунистические идеалы, становится всё более похожим на прагматичного чиновника, всеми силами стремящегося оправдать доверие своего начальства.

Старания Эйхе были не напрасны. Из 53 коммунистов, в разное время составлявших бюро Сибкрайкома, только он один оставался бесшумным членом этого органа с весны 1924 г. по лето 1930 г. На фоне почти непрерывно осуществлявшейся Центральным комитетом ротации кадров прочные позиции Эйхе в высшем руководящем органе Сибири выглядели весьма нетипично. Можно предположить, что такая стабильность по-

⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 17. Л. 56.

ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 17. Л. 56.

⁸ Там же. Л. 58.

Ibid. L. 58.

ложения была напрямую связана с закрепившейся за Эйхе репутацией активного исполнителя решений Центра и преданного сторонника Генерального секретаря ЦК И. В. Сталина.

Это качество, являвшееся для высшего партийного руководства одним из главных критериев при распределении кадров, открыло для Эйхе новые перспективы. В мае 1929 г., когда первый секретарь Сибирского крайкома партии С. И. Сырцов, получивший назначение на пост председателя Совнаркома РСФСР, был отозван в Москву, Политбюро ЦК постановило рекомендовать на освободившуюся должность именно Эйхе⁹. На основе этого решения состоявшийся 1–3 июня 1929 г. пленум краевого комитета освободил его от обязанностей председателя Сибкрайисполкома и единогласно избрал первым секретарем Сибкрайкома ВКП(б)¹⁰. Возглавив Сибирскую партийную организацию, объединявшую к тому времени около 97 тыс. человек, Эйхе, вероятно, ощутил себя таким же полноправным хозяином в Сибири, каким в масштабах Советского Союза чувствовал себя И. В. Сталин. Довольно быстро переняв сталинские методы работы, Эйхе проявлял исключительную жёсткость при принятии и исполнении решений, редко считался с мнением своих товарищей по партии, что вызывало время от времени «глухое» недовольство.

Напряжённость в работе бюро Сибкрайкома ВКП(б) начала назревать весной 1930 г. Всегда неуклонно проводивший в Сибирском крае директивы ЦК Эйхе, по всей видимости, тяжело воспринял опубликованную 2 марта в «Правде» и 4 марта перепечатанную «Советской Сибирью» статью И. В. Сталина «Головокружение от успехов», возложившую всю вину за «перегибы» в проведении массовой коллективизации на местных работников.

В Сибири и без того сложная ситуация усугублялась тем, что краевое руководство дважды, 15 декабря 1929 г. и 2 февраля 1930 г., по собственной инициативе пересматривало спущенные сверху планы в сторону ускорения темпов коллективизации¹¹. Оба заседания, на которых были приняты соответствующие постановления, проходили под руководством и при активном участии Эйхе, что неизбежно делало его главным виновником «перегибов»¹².

В конце марта 1930 г. членам бюро краевого комитета стало известно о серьёзной болезни его первого секретаря. Поставленное в известность об этом Политбюро ЦК 30 марта приняло решение командировать в Сибирь

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 741. Л. 2.

Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 3. D. 741. L. 2.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 351. Л. 31.

GANO. F. P-2. Op. 2. D. 351. L. 31.

¹¹ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. / отв. ред. Н. Я. Гушин. Новосибирск, 1983. С. 232–235.

Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma. 1917–1937 gg. / отв. red. N. Ya. Gushchin. Novosibirsk, 1983. S. 232–235.

¹² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 40. Л. 274–287; Д. 41. Л. 97–98.

GANO. F. P-2. Op. 4. D. 40. L. 274–287; D. 41. L. 97–98.

секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича, по официальной версии – «на помощь Эйхе (который лежит в постели ввиду операции гнойного аппендицита)»¹³. Была ли это подлинная болезнь, нервный срыв или же только повод хотя бы временно дистанцироваться от решения неожиданно возникшей проблемы, но по загадочному стечению обстоятельств Эйхе перестал присутствовать на заседаниях бюро крайкома как раз с 1 апреля 1930 г., когда в повестку дня был впервые поставлен принципиальный вопрос «о перепибах и искривлениях при коллективизации»¹⁴.

Состояние здоровья первого секретаря Сибкрайкома было оценено как столь тяжёлое, что 6 апреля секретариат краевого комитета принял решение предоставить его супруге Е. Е. Рубцовой-Эйхе отпуск до конца месяца для ухода за Робертом Индриковичем¹⁵. Ни восьмого, ни девятого апреля, когда бюро крайкома при участии прибывшего в Сибирь Л. М. Кагановича рассматривало вопросы о коллективизации и весенней сельскохозяйственной кампании, Эйхе на заседаниях так и не появился. Только 10 апреля, в день принятия бюро Сибкрайкома принципиального решения об отмене своего постановления о темпах коллективизации от 2 февраля, Р. И. Эйхе, согласно сохранившемуся протоколу, якобы присутствовал на заседании. Однако реального участия в обсуждении вопроса он не принимал, а в подлиннике протокола заседания вопреки существовавшему порядку вместо его автографа стоит подпись второго секретаря краевого комитета В. Н. Кузнецова¹⁶.

Член партии с июня 1917 г. Василий Николаевич Кузнецов был опытным коммунистом, прошедшим путь от секретаря производственной ячейки до члена бюро краевого комитета. В Сибирь Кузнецов был откомандирован в 1926 г. Положительно зарекомендовав себя в качестве секретаря сначала Барабинского, а затем Барнаульского окружных комитетов, в июле 1928 г. он был назначен заведующим организационно-распределительным отделом Сибкрайкома, а в мае 1929 г. введён в состав его бюро. В конце марта 1930 г., когда второй секретарь краевого комитета Р. Я. Кисис был отозван в распоряжение ЦК, Кузнецов, являвшийся руководителем важнейшего отдела Сибкрайкома, сразу же был утверждён на освободившуюся должность. Последовательно проводя политическую линию ЦК, В. Н. Кузнецов вместе с тем был сдержан в оценках и, в отличие от Р. И. Эйхе, никогда не проявлял себя сторонником крайних мер. Однако, являясь его заместителем, именно Кузнецов в отсутствие первого секретаря крайкома был

¹³ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1923–1938: в 3 т. / под ред. Л. П. Кошелевой. М., 2007. Т. 3 (1928–1938). С. 352.

Stenogrammy zasedanii Politbyuro TsK RKP(b)–VKP(b). 1923–1938: v 3 t. / pod red. L. P. Koshelevoi. M., 2007. T. 3 (1928–1938). S. 352.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 43. Л. 1.

GANO. F. P-2. Op. 4. D. 43. L. 1.

¹⁵ Там же. Д. 35. Л. 305.

Ibid. D. 35. L. 305.

¹⁶ Там же. Д. 44. Л. 91.

Ibid. D. 44. L. 91.

вынужден принять на себя основную ответственность за ошибки в проведении коллективизации.

Сохранившиеся протоколы заседаний бюро Сибкрайкома свидетельствуют о том, что к нормальной работе Роберт Индрикович вернулся только 18 апреля 1930 г. Это означало, что на протяжении двух с половиной недель местное партийное руководство оказалось без облечённого доверием Москвы Эйхе. В сложнейшей ситуации, требовавшей взвешенной и адекватной реакции на изменение политического курса, члены бюро Сибкрайкома были вынуждены все многочисленные вопросы решать без участия первого секретаря и даже отвечать за допущенные им «перегибы». В результате у ближайших соратников Эйхе появились серьёзные причины для недовольства его работой.

Непосредственным участником произошедших в марте–апреле 1930 г. событий стал член бюро Сибкрайкома и кандидат в члены ЦК ВКП(б) И. Е. Клименко. Украинец, выходец из крестьянской семьи, член партии с 1912 г. Иван Евдокимович был командирован в Сибирь в начале 1930 г. для работы в качестве председателя Сибкрайисполкома Советов. Решением закрытого заседания бюро крайкома от 30 января 1930 г. Клименко был заочно введён в состав пленума и утверждён членом бюро краевого комитета, хотя фактически прибыл в Сибирь только в первой декаде февраля. Таким образом, И. Е. Клименко не был причастен к решениям Сибкрайкома о темпах коллективизации, меньше всего знал Эйхе и, следовательно, не имел веских причин для критики деятельности первого секретаря. Однако есть основания полагать, что именно он оказался той самой фигурой, которая сплотила недовольных членов бюро крайкома и подтолкнула их к решительным действиям.

Дело в том, что вплоть до XVI съезда ВКП(б), на котором Роберт Индрикович был избран членом ЦК, Клименко и Эйхе формально занимали примерно равное положение в партии: оба являлись кандидатами в члены ЦК ВКП(б). Но в отличие от Р. И. Эйхе, последовательно поднимавшегося по карьерной лестнице, И. Е. Клименко имел более зигзагообразный «послужной список». В 1921–1925 гг. он являлся членом ЦК, а в 1925–1927 гг. – членом Политбюро ЦК и вторым секретарем коммунистической партии Украины. Однако 27 октября 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) неожиданно постановило освободить Клименко от работы в ЦК КП(б)У¹⁷. Спустя три месяца, в феврале 1928 г., высшее партийное руководство рекомендовало его заместителем наркома земледелия РСФСР, а в июне 1929 г. – председателем Всесоюзного центра машинно-тракторных станций (Трактороцентра). К настоящему времени не удалось выявить документов, которые позволили бы пролить свет на причины двух последних назначений. Тем не менее, учитывая распределение функций между партийными и советскими органами, можно утверждать, что перевод с поста второго секретаря КП(б)У на работу в Трактороцентр был несомненным понижением по службе.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 657. Л. 6.

RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 657. L. 6.

Статус председателя Сибкрайисполкома Советов также был ниже статуса второго секретаря ЦК КП(б)У, что, безусловно, не соответствовало амбициям И. Е. Клименко. Занимая на протяжении почти шести лет руководящий пост в одной из республик СССР, Иван Евдокимович вряд ли мог удовлетвориться второстепенной должностью краевого масштаба. Представляется, что, оказавшись свидетелем недовольства, назревавшего в бюро Сибкрайкома, Клименко решил повернуть ситуацию в нужное ему русло. Пользуясь авторитетом кандидата в члены ЦК ВКП(б), Клименко, по всей видимости, выступил в роли талантливого режиссёра, ловко манипулировавшего ничем не подозревавшими «актёрами» – членами бюро краевого комитета.

После XVI партийного съезда Эйхе отправился на лечение и отдых в Крым. Воспользовавшись его отсутствием, 29 июля 1930 г. в Новосибирске второй секретарь Сибкрайкома В. Н. Кузнецов и четверо членов бюро краевого комитета – председатель треста Сибуголь Я. К. Абрамов, заместитель председателя Сибкрайисполкома Советов Н. А. Базовский, председатель Сибирского краевого совета профсоюзов Г. В. Баранкин и заведующий организационно-инструкторским отделом Сибкрайкома В. Ю. Егер – составили и подписали письмо на имя И. В. Сталина.

«Мы думали, – докладывали они Генеральному секретарю, – что вместе с ростом задач и [партийной] организации будет в общем коллективе расти и т[ов.] Эйхе. Поэтому у всех нас было намерение как можно больше помогать т[ов.] Эйхе, спланировать вокруг него и общим коллективом лучше решать задачи, которые партия ставит перед нами. Оказалось, [однако,] что то, что давал тов. Эйхе, находясь на посту председателя крайисполкома, далеко и далеко недостаточно для партийного руководителя, для первого секретаря крайкома»¹⁸. Выдвинутые членами бюро краевого комитета обвинения сводились к тому, что Эйхе «совсем мало занимается изучением главных политических вопросов», «много администрирует» и «проявляет страшную нервозность, подозрительность и недоверие по отношению к своим ближайшим товарищам по работе». Делая упор на то, что состояние здоровья первого секретаря крайкома и его нерешительность отрицательно сказывались на работе бюро краевого комитета, подписанты выступили с просьбой отозвать Р. И. Эйхе из Сибири. По мнению заговорщиков, «единственно правильный выход» из сложившегося положения заключался в переводе первого секретаря Сибкрайкома на хозяйственную работу.

Поддержав, судя по всему, заговорщиков в устной беседе, И. Е. Клименко, тем не менее, проявил максимальную осторожность и коллективного заявления не подписал. Преследуя свои личные интересы, 29 июля он составил собственное письмо на имя И. В. Сталина, в котором попытался дистанцироваться от подписантов. «Я лично убеждал товарищей, – лукавил Клименко, – чтобы использовать все пути и средства для ликвидации на месте вместе с т[ов.] Эйхе этого вопроса, и [только] после этого ста-

¹⁸ Морозова Т. И. Указ. соч. С. 56.

Morozova T. I. Op. cit. S. 56.

вить вопрос в ЦК»¹⁹. Отмежевавшись таким образом от заговорщиков и продемонстрировав своё стремление последовательно соблюдать внутривнутрипартийную дисциплину, Клименко заключил, что в сложившейся ситуации лучшим решением стал бы отъезд Эйхе из Сибири.

Вместе с тем, сославшись на важность таких стоявших перед Сибирской парторганизацией задач, как ликвидация округов, угледобыча и хлебозаготовки, Клименко утверждал, что «вопрос нужно разрешать быстро», как можно скорее назначив нового секретаря краевого комитета, «чтобы не было перебоев в работе». Такое искусственное нагнетание атмосферы было, по всей видимости, его главной задумкой. Занимая должность председателя высшего органа Советской власти в Сибири – Сибкрайисполкома Советов – и являясь единственным среди руководителей Сибирской парторганизации кандидатом в члены ЦК ВКП(б), И. Е. Клименко рассчитывал на то, что в условиях спешки именно он окажется основным претендентом на пост нового секретаря Сибкрайкома.

Доставить оба письма в ЦК было поручено В. Ю. Егеру. Прибыв в Москву, он первым делом встретился с председателем Совнаркома РСФСР, кандидатом в члены Политбюро ЦК С. И. Сырцовым, которого знал ещё по работе в Сибири. О содержании состоявшегося между ними разговора можно только догадываться. Спустя несколько месяцев, в ноябре 1930 г., в ходе разбирательства по обвинению в организации так называемого право-«левацкого» блока на этот счёт было сформулировано по меньшей мере две версии. Сам С. И. Сырцов на заседании Политбюро настаивал на том, что при встрече заявил В. Ю. Егеру о недопустимости избранного подписант-ми метода действий²⁰, тогда как в Новосибирске бюро Сибкрайкома, напротив, объявило С. И. Сырцова едва ли не главным инициатором «сибирского» заговора, посвятив этому целую брошюру, изданную тиражом в 7,5 тыс. экземпляров²¹.

Вряд ли историкам когда-либо удастся восстановить подлинную картину состоявшейся встречи. Однако последующие события позволяют предположить, что С. И. Сырцов на самом деле поддержал инициативу сибирских руководителей и, вполне вероятно, даже дал рекомендации насчёт того, как усилить позицию заявителей. Дело в том, что после разговора с С. И. Сырцовым В. Ю. Егер направился не в ЦК, как это планировалось, а в Крым к находившимся там в отпуске заведующему распределительным отделом Сибкрайкома Н. П. Крылову и председателю Сибирской контрольной комиссии Ф. Ф. Ляксуткину.

¹⁹ Морозова Т. И. Указ. соч. С. 58.

Morozova T. I. Op. cit. S. 58.

²⁰ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Т. 3 (1928–1938). С. 189.

Stenogrammy zasedanii Politbyuro TsK RKP(b)–VKP(b). T. 3 (1928–1938). S. 189.

²¹ Против двурушничества: об одной антипартийной вылазке право-«левацкого» блока / с предисловием М. Б. Черномордика. Новосибирск, 1930.

Protiv dvurushnichestva: ob odnoi antipartiinoy vylazke pravo-«levatskogo» bloka / s predisloviem M. B. Chernomordika. Novosibirsk, 1930.

Поездка к этим людям была не случайна. Если Н. П. Крылов, являвшийся в 1927–1929 гг. секретарем Каменского окружкома и членом пленума Сибкрайкома ВКП(б), хорошо знал возглавлявшего тогда Сибирскую парторганизацию С. И. Сырцова, то Ф. Ф. Ляксуткин на протяжении 1924–1928 гг. состоял членом ЦК КП(б)У и, следовательно, рука об руку работал с И. Е. Клименко. Наличие этих связей позволяло заговорщикам надеяться на успех переговоров. Сославшись на авторитет Клименко и С. И. Сырцова, В. Ю. Егер убедил их присоединиться к коллективному заявлению и только потом доставил письма по назначению.

Тем временем С. И. Сырцов, как оказалось, не уступал своим коллегам в умении вести двойную игру. Руководствуясь собственными интересами, тайно от В. Ю. Егера он направил Эйхе телеграмму, в которой сообщил о наличии адресованного И. В. Сталину письма²². Узнав таким образом о заговоре только через неделю после возвращения в Новосибирск, 7 августа 1930 г., Роберт Индрикович обратился за разъяснениями к Клименко. Телеграмма и письмо Эйхе, направленные В. М. Молотову соответственно 7 и 9 августа, свидетельствуют о том, что Клименко подтвердил факт существования коллективного письма в ЦК, но о собственном заявлении, вероятно, умолчал²³.

Обеспокоенный положением, 8 августа 1930 г. Эйхе сообщил о случившемся другим находившимся тогда в Новосибирске членам бюро Сибкрайкома – заведующему отделом агитации и массовых хозяйственно-политических кампаний краевого комитета Л. А. Папардэ и заведующему отделом культуры и пропаганды крайкома М. Б. Черномордику, а также членам Сибирской контрольной комиссии – А. И. Бочкову и М. И. Ковалеву²⁴. По их требованию на следующий день заговорщики представили в распоряжение бюро Сибкрайкома и контрольной комиссии копии двух писем, доставленных ими в ЦК. Ознакомившись с содержанием этих документов, 9 августа 1930 г. бюро Сибкрайкома констатировало «крайне ненормальное положение» и постановило просить ЦК о срочном разрешении вопроса²⁵. Через несколько дней для выяснения ситуации Эйхе, Кузнецов и Клименко выехали в Москву. С той же целью из Крыма в столицу был вызван Ф. Ф. Ляксуткин.

Позиция И. В. Сталина оказалась однозначной и не оправдала ожиданий подписантов. Находившийся в то время в отпуске Генеральный секретарь ЦК в письме от 13 августа 1930 г. предложил временно замещавшему его в Москве В. М. Молотову «вышибить» Клименко «со всеми базовскими, ляксуткиными, кузнецовыми» и «оказать полное доверие Эйхе, чтобы впредь не-

²² Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Т. 3 (1928–1938). С. 208–209.

Stenogrammy zasedanii Politbyuro TsK RKP(b)–VKP(b). T. 3 (1928–1938). S. 208–209.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 790. Л. 18, 24.

RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 790. L. 18, 24.

²⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 11. Л. 59–62; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 790. Л. 24.

GANO. F. P-3. Op. 3. D. 11. L. 59–62; RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 790. L. 24.

²⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 20145. Л. 45.

GANO. F. P-3. Op. 15. D. 20145. L. 45.

повадно было интриганам всяким клеветать на честных работников и обманывать ЦК»²⁶. Можно утверждать, что, принимая такое решение, И. В. Сталин, безусловно, «примерял» ситуацию на себя. Создание прецедента смещения руководителя по инициативе снизу для него было опасным и недопустимым. Осуждением и применением жёстких санкций в отношении группы сибирских партработников И. В. Сталин, по сути, предостерег своё окружение от аналогичных попыток, продемонстрировав, что никто, кроме него, не вправе инициировать серьёзные кадровые перестановки.

Вероятно, располагая информацией о намерениях высшего партийного руководства, 17 августа 1930 г. В. Н. Кузнецов и Ф. Ф. Ляксуткин предоставили В. М. Молотову письменное объяснение, в котором оценили свой поступок как крупнейшую политическую ошибку. Осознав, что заговор не удался, и не дожидаясь постановления ЦК, второй секретарь Сибкрайкома и председатель краевой контрольной комиссии предприняли отчаянную попытку минимизировать для себя негативные последствия этого провала: «Продумав создавшееся положение, мы пришли к глубочайшему убеждению, что, несмотря на допущенную с нашей стороны ошибку и независимо от формального решения ЦК, которое для нас обязательно, мы сможем вести совместную работу в Сибири»²⁷. В тот же день к ним присоединился и Клименко, сообщивший письмом В. М. Молотову, что намерен «приложить все усилия для сработанности бюро» краевого комитета²⁸.

Однако обращения к В. М. Молотову исправить ситуацию уже не могли. Спустя два дня, 19 августа 1930 г., Политбюро ЦК квалифицировало действия заговорщиков как «беспринципную групповщину», объявило выговор всем её участникам и приняло ряд организационных решений, спровоцировавших волну кадровых перемещений среди краевого руководства. Признанные основными виновниками произошедшего И. Е. Клименко, В. Н. Кузнецов, Н. А. Базовский и В. Ю. Егер были сняты со своих постов и отозваны из Сибири. Вторым секретарём Сибкрайкома был рекомендован член бюро краевого комитета М. В. Зайцев, а председателем Сибкрайисполкома Советов – заместитель народного комиссара внешней и внутренней торговли СССР Ф. П. Грядинский²⁹. Принятые решения были воспроизведены в постановле-

²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 117–118; Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг.: сб. док. / сост. Л. Кошелева. М., 1995. С. 196.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 117–118; Pисьма I. V. Stalina V. M. Molotovu. 1925–1936 gg.: sb. dok. / sost. L. Kosheleva. M., 1995. S. 196.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 790. Л. 25.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 790. Л. 25.

²⁸ Там же. Л. 25–26.

Ibid. L. 25–26.

²⁹ Там же. Д. 793. Л. 7.

Ibid. D. 793. L. 7.

нии ЦК ВКП(б) от 20 августа 1930 г., опубликованном в «Правде», а затем перепечатанном другими периодическими изданиями³⁰.

22 августа 1930 г. бюро Сибкрайкома полностью поддержало позицию высшего партийного руководства и потребовало от подписантов беспрекословного признания их ошибок³¹. В тот же день остававшийся в Москве Ф. Ф. Лякуткин направил письмо в Сибирскую контрольную комиссию, в котором объяснял, что поставил свою подпись под заявлением только потому, что был неверно информирован В. Ю. Егером о сложившемся в бюро крайкома положении³². Аналогичную позицию занял по-прежнему находившийся в Крыму Н. П. Крылов, отправивший 23 августа «покаянное» письмо на имя самого Р. И. Эйхе³³.

В Новосибирске тем временем состоялось собрание городского партийного актива, на котором Я. К. Абрамов и Н. А. Базовский признали ошибочность своих действий и заявили о правильности мер, принятых по отношению к ним Центральным комитетом. Попытка сместить Эйхе стала предметом обсуждения окружных, районных, городских парторганизаций и даже отдельных партийных ячеек, а стенограммы выступлений и принятые на них резолюции были незамедлительно опубликованы в «Советской Сибири» и в двух краевых журналах – «Известия Сибкрайкома ВКП(б)» и «На ленинском пути».

Не ограничиваясь развёрнутой идеологической кампанией, 25 августа 1930 г. бюро краевого комитета подтвердило решение Политбюро ЦК в отношении И. Е. Клименко, В. Н. Кузнецова, Н. А. Базовского и В. Ю. Егера. Все четверо были сняты с работы, выведены из состава Сибкрайкома и откомандированы в распоряжение ЦК ВКП(б). Освобождён от должности председателя краевого совета профсоюзов и выведен из членов бюро крайкома партии был также Г. В. Баранкин³⁴. После отъезда в Москву, по иронии судьбы, почти всех перечисленных ожидала та самая участь, которую они готовили для Эйхе: перевод на хозяйственную работу. И. Е. Клименко был назначен директором Среднеазиатской железной дороги, что для кандидата в члены ЦК было равносильно ссылке, В. Н. Кузнецов – начальником управления учебными заведениями Наркомата пищевой промышленности РСФСР, Н. А. Базовский – заместителем председателя треста «Союзмясо».

³⁰ Правда. 1930. 22 авг.; Советская Сибирь. 1930. 23 авг.; На ленинском пути. Новосибирск, 1930. № 15–16. С. 8–19; Известия Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б). Новосибирск, 1930. № 16–17. С. 14–15.

Pravda. 1930. 22 avg.; Sovetskaya Sibir'. 1930. 23 avg.; Na leninskom puti. Novosibirsk, 1930. № 15–16. S. 8–19; Izvestiya Zapadno-Sibirskogo kraevogo komiteta VKP(b). Novosibirsk, 1930. № 16–17. S. 14–15.

³¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 11. Л. 93–94.

GAHO. F. P-3. Op. 3. D. 11. L. 93–94.

³² Там же. Д. 30. Л. 69–70.

Ibid. D. 30. L. 69–70.

³³ Там же. Л. 66–68.

Ibid. L. 66–68.

³⁴ Там же. Л. 103.

Ibid. L. 103.

В. Ю. Егер, вовсе лишившийся ответственных постов, возглавил кафедру высшей математики Саратовского автодорожного института.

Тем самым из восьми подписантов оставлены на прежней работе были только трое: Я. К. Абрамов, Н. П. Крылов и Ф. Ф. Ляксуткин. Все они полностью признали ошибочность совершённого поступка, а двое последних, судя по всему, смогли также убедить Эйхе и его сторонников в том, что были введены в заблуждение уговорившим их поставить свои подписи В. Ю. Егером³⁵. Однако в конце сентября Н. П. Крылов также был освобождён от обязанностей заведующего распределителем краевого комитета, что автоматически влекло за собой его выход из состава бюро крайкома.

В сентябре 1930 г. в результате деления Сибири на Западно- и Восточно-Сибирский края Сибкрайком ВКП(б) был преобразован в Западно-Сибирский краевой комитет. Новый руководящий орган полностью унаследовал организационную структуру и состав своего предшественника. Однако провал заговора против Эйхе спровоцировал волну кадровых перестановок, утверждённых состоявшимся 25–29 сентября 1930 г. первым пленумом Запсибкрайкома. Члены бюро краевого комитета, резко осудившие «групповщину» и зарекомендовавшие себя преданными сторонниками Р. И. Эйхе, были поощрены: М. В. Зайцев назначен вторым, а Л. А. Папардэ – третьим секретарём Западно-Сибирского крайкома. Кроме того, вместо шести покинувших ряды партийно-советской элиты Сибири заговорщиков в состав высшего партийного органа края были введены назначенный председателем Западно-Сибирского крайисполкома Ф. П. Грядинский, новый заведующий распределительным отделом крайкома Горбунов, председатель исполкома Новосибирского горсовета И. Г. Зайцев, председатель краевого совета профсоюзов Г. В. Кроловецкий, редактор краевой газеты «Советская Сибирь» И. И. Ляшенко, председатель крайкома профсоюзов горняков С. П. Суханов, инструктор Сибкрайкома ВКП(б) В. М. Устьянцев³⁶. В результате впервые за шесть с половиной лет существования краевого комитета состав его бюро единовременно оказался обновлён почти наполовину.

Заговор, который по замыслу его инициаторов должен был привести к смене руководителя Сибирской парторганизации, оказался в итоге мощным катализатором ротации кадров среди всего партийно-советского руководства края. Крушение политической карьеры большинства подписантов не только стало уроком для сохранивших своё положение партийных работников, но и привело к восхождению на освобожденные должности новых кадров. Тем самым провалившееся выступление против Р. И. Эйхе способствовало росту масштабов как нисходящей, так и восходящей социальной мобильности среди краевого партийного руководства, что, несомненно, стало одним из факторов формирования советской политической элиты.

³⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 30. Л. 66–70.

ГАН. Ф. Р-3. Оп. 3. Д. 30. Л. 66–70.

³⁶ Там же. Д. 1. Л. 2–3.

Ibid. Д. 1. Л. 2–3.

Список литературы

1. Демидов В. В. Что стояло за сибирской «Беспринципной групповщиной» в 1930 году? // Партийный вестник. Новосибирск, 1989. № 18.
2. Демидов В. В. О так называемой сибирской «беспринципной групповщине» в 1930 г. // Сибиряки в борьбе за власть советов, за защиту социалистического отечества: тез. Всесоюз. науч. конф. (4–7июня 1990 г.). Секции I, II. / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 1990.
3. Молототов И. А. Сибкрайком. Партийное строительство в Сибири. 1924–1930 гг. Новосибирск, 1978.
4. Павлова И. В. Роберт Эйхе // Вопросы истории. 2001. № 1.
5. Папков С. А. Заговор против Эйхе // Возвращение памяти. Новосибирск, 1991.
6. Саранцев Н. В. Большевицкая властвующая элита: возникновение, становление и трансформация. 1900–1939: историко-социологические аспекты. Саратов, 2001.
7. Саранцев Н. В, Кирякова О. Г. Большевицкая революционная элита: подполье, власть, гибель: историко-социологические аспекты. Саратов, 2007.
8. Шишкин В. И. Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. статей / под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2010.

A COMBAT AMONG THE PARTY-SOVIET ELITE OF SIBERIA AT 1930: A FAILURE OF THE CONSPIRACY AGAINST R. EIHE

T. I. Morozova

RAS, the Siberian branch, the Institute of history, the Social and Political Development History Sector, *Novosibirsk*

The article considers an attempt to cast R. Eihe from a post of first secretary of the Sibkraykom AUCP(b), made by the group of party leaders in Siberia in July/August 1930. Realizing that staffing issues of this level were resolved in the higher echelons of power, the second secretary of the Sibkraykom, five members of its Bureau and the chairman of the Siberian Control Commission sent a letter to the Central Committee of AUCP(b) with a request to transfer R. Eihe at chore. On the basis of already published, as well as new historical sources this article shows how and why colleagues of R. Eihe decided to interrupt his rise through the ranks. A position of Stalin concerning the «signatories» and their behavioral tactics after condemnation of their actions in the Politburo were described. The author concluded that the failed conspiracy instigated a series of personnel moves, which contributed to the increase in the scale of social mobility of the regional party leadership.

Keywords: *party-soviet elite, R. I. Eihe, I. V. Stalin, conspiracy, social mobility, staff rotation.*

Об авторе:

МОРОЗОВА Татьяна Игоревна – стажёр-исследователь, сектор истории общественно-политического развития, Институт истории, Сибирское отделение РАН (630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, к. 304), e-mail: mti137@yandex.ru

About the author:

MOROZOVA Tatyana Igorevna – trainee-researcher, the Social and Political Development History Sector, the Institute of history, the Siberian branch of RAS (630090, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, 304), e-mail: mti137@yandex.ru

References

- Demidov V. V.* Chto stojalo za sibirskoj «Besprincipnoj gruppov-shhinoj» v 1930 godu? // Partijnyj vestnik. Novosibirsk, 1989. № 18.
- Demidov V. V.* O tak nazyvaemoj sibirskoj «besprincipnoj gruppovshhine» v 1930 g. // Sibirjaki v bor'be za vlast' sovetov, za zashhitu socialisticheskogo otechestva: Tezisy Vsesojuznoj nauchnoj konferencii (4–7 ijunja 1990 g.). Sekcii I, II. / otv. red. V.I. Shishkin. Novosibirsk, 1990.
- Moletotov I. A.* Sibkrajkom. Partijnoe stroitel'stvo v Sibiri. 1924–1930 gg. Novosibirsk, 1978.
- Pavlova I. V.* Robert Jejhe // Voprosy istorii. 2001. № 1.
- Papkov S. A.* Zagovor protiv Jejhe // Vozvrashhenie pamjati. Novosibirsk, 1991.
- Sarancev N. V.* Bol'shevistskaja vlastvujushhaja jelita: vznikovenie, stanovlenie i transformacija. 1900–1939: istoriko-sociologicheskie aspekty. Saratov, 2001.
- Sarancev N. V., Kirjakova O. G.* Bol'shevistskaja revoljucionnaja jelita: podpol'e, vlast', gibel': istoriko-sociologicheskie aspekty. Saratov, 2007.
- Shishkin V. I.* Gosudarstvennoe upravlenie Sibir'ju v konce XIX – pervoj tretej XX v. // Vlast' i obshhestvo v Sibiri v XX veke: sb. nauch. statej / pod red. V. I. Shishkina. Novosibirsk, 2010.

Статья поступила в редакцию 14.08.2014 г.